

0-783205

На правах рукописи

Глухова Ольга Петровна

**СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ Ю. ПОЛЯКОВА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Кемерово 2010

0- 783205

На правах рукописи

Глухова Ольга Петровна

**СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ Ю. ПОЛЯКОВА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000727130

Кемерово 2010

Работа выполнена на кафедре русского и контрастивного языкознания
ГОУ ВПО «ЕЛАБУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Салимова Дания Абузаровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Баранов Анатолий Николаевич;

кандидат филологических наук, доцент
Денисова Эльвира Степановна

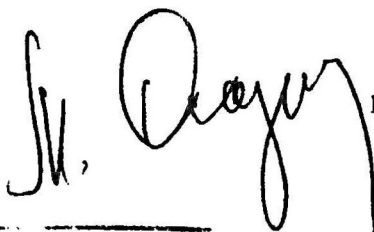
Ведущая организация: Лесосибирский педагогический институт-филиал
ФГОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Защита состоится 26 июня 2010 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д212.088.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» по адресу: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6.

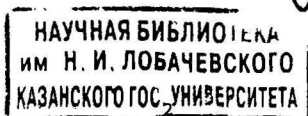
С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» по адресу: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

Автореферат разослан « » мая 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. А. Осадчий

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Многаспектная категория модальности как одна из ключевых категорий, устанавливающих связь предложения (высказывания) с внеязыковой действительностью и реализующих его коммуникативный потенциал, является сегодня объектом устойчивого и активного интереса как в отечественном, так и в зарубежном языкознании (В. Г. Адмони, Т. Б. Алисова, Ш. Балли, Е. И. Беляева, А. В. Бондарко, С. С. Ваулина, А. Вежбицка, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Т. И. Дешериева, Г. А. Золотова, Г. В. Колшанский, П. А. Лекант, М. В. Ляпон, Т. В. Шмелева, и многие другие). Предназначенность категории модальности состоит в обеспечении единства и целостности художественного текста как системы. Антропоцентричность языка в целом и категории модальности в частности актуализирует внимание исследователей к субъективному аспекту смысловой организации предложения, поскольку «антропоцентрический по своей природе, язык со всеми его национально-специфическими чертами поступает в ведение писателя, который выстраивает из него художественный текст»¹. Художественный текст как коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, представляет собой индивидуально-авторскую концепцию мира, он пронизан субъективностью, поэтому антропоцентричность выражается в речи и как субъективно-модальное значение»². В фокусе исследования данной работы находится художественная система писателя реалистического направления, нашего современника, Ю. М. Полякова.

Талантливый российский писатель Юрий Поляков начинал свою литературную деятельность как поэт в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Поляков пишет прозу, отличающуюся социальной остротой и злободневностью, животрепещущими, актуально звучащими темами. В своих произведениях писатель Ю. Поляков изображает сатирическую картину жизни творческой интеллигенции, говорит о жизни «новых русских», показывая, как разрушает душу бизнес, построенный на ограблении своей страны. Некоторые произведения Полякова представляют собой своего рода семейную сагу, которая охватывает десятилетия жизни страны («Козленок в молоке», «Небо ладших», «Замыслил я побег...», «Грибной царь»).

Критика все чаще выделяет Ю. Полякова как лидера «гротескного реализма», характерного для переходных эпох, когда новое сталкивается со старым (В. Куницын). Часто в романе на фоне заурядной семейной драмы развернута целая энциклопедия русской жизни последних десятилетий: от Брежнева до Ельцина, от застоя до разгрома. Его повести и романы отличаются динамичностью сюжетных построений, яркостью психологических характеристик, языковой точностью. Стиль Ю. Полякова складывался из смелого смешения разностилевой лексики, игры семантическими смыслами, иронии, незаметно переходящей в лиризм. «Стиль мышления Ю. Полякова (удивительный сплав лиризма,

¹ Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 32.

² Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста [Текст] / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильева, Ю. В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 66–67.

иронии и трагизма!) выделяется большей социальной зоркостью, большей заземленностью на реальной проблематике»³. Таким образом, в философско-знаковом аспекте творчества этого русского писателя ясно высвечивается его гражданская позиция, идейно-художественной доминантой творчества Ю. Полякова становится изображение нравственно-этической и общественно-исторической атмосферы жизни страны.

В диссертационном исследовании формулируется гипотеза о том, что субъективная модальность художественного текста формируется использованием комплекса морфологических и синтаксических средств и способов её выражения. Семантико-синтаксические особенности прозы автора, а также лексические средства контекстуального окружения служат мотиваторами и маркерами идностиля писателя.

Актуальность работы обусловлена включённостью в современную антропоцентрическую парадигму лингвистических исследований и обращением к важным теоретическим проблемам метаязыковой субстанциональности художественного текста, в частности, к проблеме выражения модальности, необходимостью теоретического осмысления общих и частных вопросов, связанных с дальнейшим изучением дискуссионной категории модальности. Обращение к языку произведений Ю. Полякова продиктовано значимостью его творчества, неизученностью текстового пространства прозы Ю. Полякова, высокой эпистемологической и эстетической ценностью текстов этого современного писателя.

Объектом исследования выступают тексты художественной прозы Ю. Полякова.

Предметом исследования является комплекс языковых средств и способов выражения собственно модальных и субъективно-модальных значений текстового пространства Ю. Полякова.

Материалом для исследования послужили повести Ю. Полякова «Плотские повести» («Подземный художник», «Возвращение блудного мужа» и «Небо падших»), «Плотские повести-2» («Парижская любовь Кости Гуманкова» и «Демгородок»), «ЧП районного масштаба», «Работа над ошибками», «Алофегей», «Геометрия любви», романы «Козленок в молоке», «Замыслил я побег», «Грибной царь» и «Гипсовый трубач, или Конец фильма». Материал для анализа извлекался методом сплошной выборки из прозаических произведений Ю. Полякова и включает около 5 000 примеров.

Цель диссертационного исследования – системно-комплексное описание средств и способов выражения модальности в прозаических текстах Ю. Полякова; освещение особенностей функционирования этих средств как идностилевых черт автора.

Выдвинутая цель исследования обусловила круг более конкретных задач:

1) систематизировать и теоретически осмыслить имеющиеся в науке подходы к универсальной категории модальности, выстроив единую целостную картину модальности как языковой и текстовой категории;

³ Большакова, А. Ю. Феноменология литературного письма. О прозе Ю. Полякова [Текст] / А. Ю. Большакова. – М.: Манк Наука, 2005. – С. 6.

2) выявить систему языковых средств выражения собственно модальных и субъективно-модальных значений прозы Ю. Полякова;

3) охарактеризовать морфологические и синтаксические средства выражения собственно модальных и субъективно-модальных значений с позиций функционально-семантического и прагматического подходов;

4) проанализировать семантико-синтаксические особенности прозы Ю. Полякова, обосновать специфичность индивидуально-художественной системы писателя.

Достижению поставленной цели и решению вышеперечисленных задач служит комплекс методов исследования: описательный, метод контекстуального анализа, метод функционально-семантического анализа, статистический метод, метод стилистической интерпретации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в научный оборот вводится новый языковой материал из современной прозы (Ю. Поляков «Грибной царь», «Замыслили я побег» и др.), определяется специфика процессов концептуализации и категоризации модальности как одной из универсальных категорий, впервые осуществляется системное функционально-семантическое описание особенностей реализации собственно модальных и субъективно-модальных значений в коммуникативно-прагматическом аспекте на материале прозаических произведений Ю. Полякова, выявляется специфика функционирования этих средств как идиостилевых черт автора. До настоящего времени проза Ю. Полякова не была предметом специального лингвистического изучения. Фундаментальное исследование – монография А. Большаковой «Феноменология литературного письма: о прозе Ю. Полякова» – имеет литературоведческую направленность. В 2009 году была защищена диссертация Л. С. Захидовой «Специфика идиостиля Ю. Полякова», но объектом внимания диссертанта явился лексико-семантический аспект, что не может прояснить сущности интересующего нас вопроса. Индивидуально-авторская картина мира отдельно взятого художника слова в нашем исследовании обнаруживается через «дискурсивный фокус» интерпретации текста как сверхсложного смыслового образования.

Методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов, внесших огромный вклад в разработку проблемы языковой модальности (В. Г. Адмони, Ш. Балли, Е. И. Беляева, А. В. Бондарко, С. С. Ваулина, А. Вежбицка, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Г. А. Золотова, П. А. Лекант, М. В. Ляпон, А. А. Мейслер, Г. П. Немец, З. Я. Тураева, Б. В. Хрычков, Т. В. Шмелева, П. А. Эслон), теории речевых актов (Дж. Л. Остин, Дж. Р. Сёрль, А. П. Володин, А. В. Изотов, В. С. Храковский, Е. А. Чернявская), модальности художественного текста (Л. Г. Бабенко, Е. Н. Базалина, Н. С. Болотнова, И. Р. Гальперин, В. А. Маслова, Г. Я. Солганик).

Теоретическая значимость работы определяется функциональным подходом к пониманию содержательной природы модальности, создающим теоретическую базу для комплексного анализа разноуровневых языковых средств. Данный подход создает условия для установления функциональной иерархии

средств субъективной модальности, а также позволяет выявить универсальные средства выражения субъективной модальности, индивидуальные языковые средства, отражающие специфику идиостиля писателя. Полученные данные о функционировании субъективной модальности в текстовой системе на материале современной прозы позволяют расширить современные представления в этой сфере, решить ряд вопросов о значении категории модальности, о функциях модального аспекта в организации художественного текста, о закономерностях употребления автором тех или иных модальных конструкций, расширить представления о категории модальности как средстве реализации целеустановок личности и стимулируют дальнейшие исследования в функциональном направлении.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования материалов и выводов при дальнейшей разработке теоретических вопросов языковой модальности в целом и субъективной модальности в частности, при разработке вузовских спецкурсов и спецсеминаров по проблемам функциональной и коммуникативной грамматики и модальности, по проблемам исследования текста, при изучении курсов «Филологический анализ текста», «Стилистика» и др., по лингвостилистическому анализу языка современной прозы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Категория модальности в рамках функционального и коммуникативного подходов к тексту прозы Ю. Полякова является центральной категорией, определяющей формирование концепции художественного произведения и специфику реализации языковой личности автора.

2. Модальность как лингвистическая категория реализуется в художественном тексте на разных уровнях языка. Наиболее полно и ярко модальный аспект выражен на морфологическом и синтаксическом уровнях. Дополнительно актуализируют авторскую позицию лексические средства контекстуального окружения, уровень концентрации использования которых в тексте служит маркером идиостиля, подчеркивают динамический, векторный характер прозы Ю. Полякова.

3. Одним из наиболее ярко представленных экспликаторов выражения субъективной модальности в текстовом пространстве Ю. Полякова на морфологическом уровне являются ядерные и периферийные глагольные средства. Из ядерных глаголов наиболее частотными выступают глаголы *мочь, удаваться, успевать, приходиться, следует, стоит, хотеть, решить*, из периферийных – глаголы *уметь, суметь*.

4. На синтаксическом уровне субъективная модальность в прозе Ю. Полякова выражается повелительными и инфинитивными предложениями. Центральное место в функционально-семантическом поле повелительности прозы Ю. Полякова занимают повелительные и прохибитивные предложения с императивными формами глагола, а также безглагольные предложения. К периферии поля относятся повелительные и прохибитивные предложения с инфинитивом в позиции сказуемого, к дальней периферии поля относятся оптативные и индикативные предложения. Инфинитивные предложения в прозе Ю. Полякова

выражают семантику неизбежности, долженствования, предстояния, вынужденности, возможности, невозможности, ненужности, необходимости, отсутствия необходимости, недопустимости, побуждения, желания, целесообразности, предопределенности.

5. Наличие в прозе Ю. Полякова огромного пласта модальных слов, с помощью которых говорящий оценивает свое высказывание в целом или отдельные его части с точки зрения отношения их к объективной действительности, является специфической чертой идиостиля писателя.

6. Индивидуально-авторская концепция мира Ю. Полякова представлена специфическим использованием всего спектра эмоциональных, экспрессивно-оценочных, многофункциональных языковых средств, позволяющих прочитывать иронический подтекст произведений, формирующих субъективно-модальную перспективу высказывания.

Апробация исследования. Основные теоретические положения и практические результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры русского и контрастивного языкознания Елабужского государственного педагогического университета, были представлены в докладах и выступлениях на международных, всероссийских, межвузовских научных и научно-практических конференциях, в том числе: IV Международная научно-практическая конференция «Самосовершенствование, самореализация личности: психолого-педагогические аспекты». (Набережные Челны, НГПИ, 2007 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «В. А. Богородицкий и современные проблемы исследования и преподавания языков» (Казань, КГУ, 2007 г.); Международная научно-практическая конференция «Язык и общество: коммуникация и интеграция» (Подольск, МГИ, 2008 г.); II межвузовская студенческая научно-практическая конференция (Набережные Челны, НГПИ, 2009 г.); Международная научная конференция «Лингвистические основы межкультурной коммуникации» (Нижний Новгород, НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009 г.); II Международная научная конференция «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (Санкт-Петербург, ГПА, 2010 г.); Республиканская научно-практическая конференция с международным участием «Наука, технологии и коммуникация в современном обществе» (Набережные Челны, КГУ, 2010 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении дается обоснование актуальности темы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, материал, методологическая основа, подчеркивается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, излагаются выносимые на защиту положения.

Первая глава «*Теоретико-методологические основы исследования категории модальности*» посвящена определению содержания и объема понятия категории модальности.

В первом параграфе освещаются основные подходы в определении категории модальности: узкий и широкий, излагаются взгляды русских и зарубежных ученых на категорию модальности, характеризуются основные концепции языковой модальности, приводится позиция автора работы, который в своем понимании модальности солидаризируется с учеными, рассматривающими данную категорию на основе функционального подхода к анализу языковых фактов (Е. И. Беляева, А. В. Бондарко, С. С. Ваулина, С. Я. Гехтляр, Г. А. Золотова, И. В. Островерхая, О. Л. Кочеткова, И. Ю. Кукса, И. Р. Федорова, Т. В. Шмелева, П. А. Эслон и др.). С позиций функциональной грамматики исследователи представляют модальность как функционально-семантическое поле, имеющее сегментированную структуру и объединяющее разнообразные средства выражения оценки говорящим связей и отношений действительности с точки зрения их характера, степени познания или желательности либо как комплекс функционально-семантических полей с указанным содержанием⁴.

Во втором параграфе рассматривается проблема разделения категории языковой модальности на объективную и субъективную, по существу которой у лингвистов также отсутствует единство. Одни ученые противопоставляют объективные и субъективные модальности (В. В. Виноградов, В. Н. Бондаренко, В. В. Панфилов, Н. Ю. Шведова), другие признают одновременное действие в категории модальности объективных и субъективных факторов и считают ее субъективно-объективной категорией (Е. И. Беляева), третьи полагают, что само деление на субъективную и объективную модальности не является оправданным, поскольку элемент субъективности свойственен всем компонентам семантики модальности (Т. И. Дешериева). Между тем еще А. М. Пешковский (1938) в своих исследованиях указывает на условность разграничения объективной и субъективной модальности. В последние годы все чаще наблюдается отход от традиционной дифференциации модальности на объективную и субъективную, акцентируется взгляд на субъективность всей категории модальности, так как позиция говорящего в явном или скрытом виде включается в любое истолкование модальности (А. В. Бондарко, Г. В. Колшанский).

В исследовании не противопоставляется объективная и субъективная модальности, поскольку позиция говорящего в явном или скрытом виде включается в любое истолкование модальности и любое высказывание субъективно по своей сути. Но, следуя традиции в понимании категории модальности (В. Н. Бондаренко, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Г. А. Золотова, В. З. Панфилов, и др.), условно выделяется объективная и субъективная модальность, имеется при этом в виду, что объективная модальность представляет собой модифицирующую категорию, основные признаки которой выражаются в виде грамматического наклонения, субъективная модальность характеризуется высокой степенью присутствия в ней оценочного компонента.

В третьем параграфе обсуждается вопрос о текстовой функции модальности. Являясь языковой категорией, модальность одновременно относится к

⁴ Теория функциональной грамматики [Текст] / под ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – С. 67.

категориям, определяющим семантику и высказывания, и текста в целом, т. е. выполняющим текстообразующую функцию (Л. Г. Бабенко, А. В. Бондарко, Н. С. Валгина, С. С. Ваулина, И. Р. Гальперин, В. А. Кухаренко, М. В. Ляпон, И. В. Островерхая, Е. А. Попова, Г. Я. Солганик, И. А. Трофимова и др.). Рассматривая вопрос о модальности как текстовой категории, автор опирается на те концепции текста, согласно которым на первый план выдвигается его каузизирующее начало и текст воспринимается как продукт активной речевой деятельности человека. В работах по текстовой модальности последних лет исследователи пытаются показать, что субъективное и объективное – неотъемлемые составляющие текстовой модальности, эти категории взаимосвязаны, существование одной невозможно без другой, и служат они передаче различных планов отношений. Субъективно-оценочная модальность с наибольшей очевидностью проявляется в тех произведениях, где просвечивается личность автора: Коэффициент модальности меняется в зависимости от целого ряда причин – индивидуальной манеры автора, объекта описания, прагматической установки, соотношения содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации. В формировании замысла художника участвуют элементы всех уровней языка. Взаимодополняя друг друга, различаясь по средствам выражения и функциям, они организуют понимание художественного произведения, приближенного к авторскому»⁵.

В данном исследовании понятие «идиостиль» приравнивается к экстралингвистическому понятию «творческая индивидуальность автора»⁶. В лингвистических исследованиях подчеркивается многоаспектный характер понятия «идиостиль», ученые трактуют его подчас с разных точек зрения. Особенности идиостиля прозы Ю. Полякова во многом определяются экстралингвистическими факторами: творчество этого писателя характеризуется ярко выраженной социальной ориентацией, а стиль мышления Ю. Полякова отличается большой социальной зоркостью, сосредоточенностью на реальной проблематике. Поэтому чрезвычайно важной нам представляется задача рассмотреть целостное взаимодействие элементов языковой подсистемы текстов прозаика Ю. Полякова, ментальное пространство и эстетическое кредо писателя, что, несомненно, выражается в насыщенности комплекса взаимодействующих модальных значений текста этого писателя.

Во второй главе «Состав экспликаторов субъективной модальности в произведениях Ю. Полякова» содержится функционально-семантический анализ модальной семантики в произведениях Ю. Полякова, а также выявляется специфика соотносительности эксплицитных и имплицитных способов выражения собственно модальных и субъективно-модальных значений в тексте произведений автора.

⁵ Бочкова, О. С. Модальный аспект художественного текста (на материале произведений В. Ходасевича): автореф. дисс... канд. филол. наук [Текст] / О. С. Бочкова. – Краснодар, 2008. – С. 8.

⁶ Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста: Учебное пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов [Текст] / Н. С. Болотнова. – М.: Наука Флинта, 2007. – С. 115.

Первый параграф представляет теоретические выкладки способов реализации собственно модальных и субъективно-модальных значений в русском языке, освещаются различные трактовки средств экспликации семантики возможности, необходимости и желательности, которые одни ученые относят к сфере объективной модальности (Е. И. Беллева, С. Н. Цейтлин, И. А. Филипповская и многие другие), иные – к «внутрисинтаксической модальности», то есть к модальным отношениям третьего плана (Г. А. Золотова). Мы же считаем, что поскольку речь в данном случае идет о значениях ситуативной (предметной) модальности, которая формируется в отношениях между субъектом действия (состояния) и действием (состоянием), то она в значительной мере сохраняет в себе субъективно-оценочный компонент.

Во **втором параграфе** дана частеречная представленность категории модальности в текстах Ю. Полякова. В выражении семантической глубины текста немаловажная роль принадлежит глаголу как выразителю грамматической специфики индивидуально-авторского стиля.

1. Доминантное положение среди модальных модификаторов со значением возможности занимает глагол *мочь*, способный передавать весь спектр модальной семантики ситуации возможности, он эксплицирует значение субъективной возможности: «(не) быть в состоянии выполнить действие по причинам психического (физического, финансового) характера», «(не) иметь способность выполнить действие», «субъект (не) может (вправе) совершить какое-либо действие» (44 % от употребления всех средств выражения возможности): *И вот еще одна забавная подробность: Валера долго не мог научиться полноценно сидеть в президиумах, у него от природы было живое лицо, реагировавшее на каждое слово или улыбкой, или гримасой, или зевотой...* («Апофегей»).

Отметим, что особенностью индивидуально-авторского стиля Ю. Полякова является высокочастотное использование глагола *мочь* с инфинитивом совершенного вида, данная конструкция подчеркивает динамический, векторный характер прозы, сигнализирует о стремлении автора к объединению сферы ирреального и реального, указывает на результат реализации. Специфической, идиостилевой чертой прозы Ю. Полякова также необходимо признать семантику инфинитива, которую представляют в значительной степени ментальные глаголы.

2. К пограничной зоне ядра и ближней периферии модального значения возможности следует отнести модальный модификатор *уметь* (8 % от общего числа глаголов, реализующих семантику возможности). Семантика глагола *(не) уметь* «(не) обладать умением, навыками»⁷ выражается в значении внутренней возможности, обусловленной как врожденными качествами субъекта, так и приобретенными навыками: – *Спасибо, что не соврали! Вы умеете слушать, а учителя так привыкли говорить, что не понимают даже самих себя* (= умеют слушать всегда) («Работа над ошибками»).

⁷ Словарь русского языка в 4-х т. [Текст] / Под ред. А. П. Евгеньевой. (МАС). – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – С. 311.

часто желательное для субъекта: *Тот сначала даже не сообразил, кто звонит, потом понял и долго выслушивал сбивчивую, витиеватую мольбу, смысл которой сводился к тому, что если он на два часа предоставит Саше свою квартиру, то Калязин в благодарность готов отдать чуть ли не в пожизненное рабство* («Возвращение блудного мужа»).

Часто встречаются в прозе Ю.Полякова примеры, когда экспликацию значения субъективной возможности «быть в состоянии выполнить действие по причинам физического характера» берет на себя неодушевленный субъект: *Стою и потихоньку из своей баварской кружки производства Дулевского завода фарфоровых изделий прихлебываю мутный желтый напиток, способный раз и навсегда лишить профессиональной чувствительности любого западного дегустатора пива* («Парижская любовь Кости Гуманкова»). Такая «антропоморфность» конструкции позволяет прочитывать иронический подтекст прозы Ю. Полякова, характеризует самобытность авторского видения мира и определяет индивидуально-творческую художественную систему автора.

3. Лексема *должен* является безусловной доминантой среди лексических экспликаторов модального значения необходимости. Это предикативное прилагательное характеризуется наибольшей частотностью функционирования (около 82 %), способностью выражать оттенки модального значения необходимости: «долженствование как обязанность», «долженствование как идеал», «долженствование как вынужденность»¹⁷: – *Нет никаких денег партии. Это все вранье! Мы их должны заработать, понимаешь, Олег, мы!* (надо заработать) («Замыслил я побег»).

4. Ядерные средства функционально-семантического поля необходимости включают специализированные экспликаторы необходимости *вынужден* и *обязан*. Эти модальные лексемы реализуют частные значения вынужденности и долженствования (10 %). Лексема *вынужден* не отмечена стилистическими ограничениями, однако «заряжена» негативной оценочностью¹⁸, ведь «вынужденный – совершаемый по принуждению или по необходимости, в зависимости от обстоятельств»¹⁹: *С тех пор они зареклись появляться вместе, и только сегодня, задержавшись на заседании жилищной комиссии, Мушковец вынужден был сесть на единственный свободный стул рядом с Чистяковым* («Апофегей»).

5. Функциональное место модального слова *обязан* смещается в сторону периферии, однако это прилагательное (адъективированное отрицательное образование) в прозе Ю. Полякова представлено немалым числом реализаций и регулярностью функционирования (32 %). Это модальная лексема обнаруживает

¹⁷ Словарь русского языка в 4-х т. [Текст] / Под ред. А. П. Евгеньевой. (МАС). – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – С. 86.

¹⁸ Туровская, С. Н. Семантическая типология и средства выражения модальности необходимости (надобности) в русском языке: дисс... канд. филол. наук [Текст] / С. Н. Туровская. – Тарту, 1992. – С. 57; Асоченская, В. Ф. Семантико-синтаксические функции и синонимика модальных и фазовых конструкций с зависимым инфинитивом: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / В. Ф. Асоченская – Воронеж, 1998. – С. 21

¹⁹ Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. В. И. Яриева. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – С. 87.

значение «следует, долженствование как предписываемая норма»: *А поразмышлять было о чем: конечно, я сделал ошибку, при всех связавшись с Зубом из-за Елина, нужно было поговорить потом, с глазу на глаз* («Сто дней до приказа»).

6. Экспликация модального значения необходимости предикатив *необходимо* представлен в текстах Ю.Полякова нечастым числом реализаций (3 %), поскольку это связано с его книжной принадлежностью, а также с максимальной категоричностью его значения, подчеркивающего крайнюю степень желательности действия. *Необходимо* толкуется в словарях как «надобно», «нужно»¹⁴, «очень нужно»¹⁵, «оценочная характеристика чего-либо как являющегося таким, что следует делать»¹⁶, значительно чаще *необходимо* актуализирует частное значение «потребность, надобность»: *Она разъясняла, что, конечно, семью разрушать нельзя, но необходимо взять себя в руки и дожидаться, когда Обиходы (она произносила нарочно «Обходы»), одумавшись, позовут его назад – и тогда вернуться победителем, с развернутым знаменем, раз и навсегда продиктовав свои условия мира* («Гипсовый трубач»).

7. Лексема *пора*, выполняющая роль темпорального маркера ситуации необходимости и указывающая на обстоятельства существующей необходимости, актуализирует частное значение потребности либо вынужденности (4 % словоупотреблений с аналогичной семой). Семантика слова может интерпретироваться как «имеется необходимость в совершении действия, так как настал для этого срок»: – *Да, я сейчас... – Принцесса кивнула горничной и снова повернулась к Башмакову. – Извини, мне пора кормить ребенка* (наступило время для кормления ребенка) («Замыслил я побег»).

Предикативные прилагательные в сочетании с инфинитивом в прозе Ю. Полякова являются экспликаторами общего значения возможности, необходимости и частных значений вынужденности и долженствования:

1. К ядру средств выражения модального значения возможности примыкает предикативное прилагательное *способен* (35 %), которое специализируется на экспликации значений субъективной возможности, на выражении ситуации возможности, обусловленной внутренними качествами, умениями, знаниями субъекта: «(не) быть в состоянии выполнить действие по причинам психического (физического, финансового) характера», а также «(не) иметь возможность совершить действие», что обусловлено объективными причинами: *Калезин даже немного подуспокоился, выяснив, что есть, оказывается, люди, способные понять Сашино безвинное непротивление обрушившейся на него любви* («Возвращение блудного мужа»).

2. Прилагательное *готов* в сочетании с инфинитивом в произведениях Ю. Полякова представлено большим числом реализаций – 65 %. Модификатор *готов* способен выступать в значении «быть в состоянии выполнить действие»,

¹⁴ Даль, В. И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. [Текст]. – М.: Эксмо, 2008. – С. 317.

¹⁵ Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст]. – М.: Русский язык, 1986. – С. 293.

¹⁶ Словарь русского языка в 4-х т. [Текст] / Под ред. А. П. Евгеньевой. (МАС). – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – С. 245.

3. Семантика внутренней возможности глагола *суметь* (5 % от общего числа глаголов, представляющих возможность) обозначает здесь не потенциальную, а реализованную связь между субъектом и предикатом: *До обеда Башмаков еле сумел занять себя, сделав внеплановую профилактику двух счетных машинок* («Замыслил я побег»).

4. Глаголы *удаваться*, *успевать* занимают относительно периферийное положение в микрополе возможности. Однако в прозе Ю. Полякова эти глаголы по частотности употребления лишь немногим уступают ядерным экспликаторам – личным формам глагола *мочь*. Глагол *удаваться* в исследуемой прозе составляет 28 %, а глагол *успевать* (*успеть*) – 31 %. Таким образом, можно констатировать, что модификаторы *удаваться* и *успевать* (*успеть*) входят в число ядерных средств реализации модальности возможности в текстах Ю. Полякова: *Как Слабинзону удалось уговорить деда освободить помещение от вещей и пустить туда квартирантку – неведомо и непостижимо!* («Замыслил я побег»). В текстах Ю. Полякова большим числом употреблений в модальной функции зафиксирован модификатор *успеть* – «иметь время, иметь возможность»: *Мы еле успевали добраться до моей квартиры и набрасывались друг на друга* («Небо падших»).

5. Модификатор *приходиться* в безличных предложениях выражает модальное значение необходимости, выступая в значении «стать необходимым, неизбежным в связи с какими-либо обстоятельствами условиями»⁸, специализируется в большей степени на экспликации значения вынужденности (45 % от общего числа реализаций значения необходимости): *С появившейся перспективой издания книги график посещения моей несчастной квартиры стал настолько жестким, что мне иной раз приходилось снимать койку у старушки в доме напротив, потому что спать на вокзальных лавках жестко, и к тому же я стал простужаться от сквозняков* («Козленок в молоке»). Модификатор *приходиться* актуализирует в зависимости от контекста и другие грани модальности: **неизбежность**: *Разрешение ему, учитывая оборонную, засекреченную специальность, конечно, не дали, а с кафедры, разумеется, пришлось уйти* (= неизбежен уход) «Замыслил я побег»; **обязанность**: *Шумилин вскоре после этого перешел на другое место, и работать новоиспеченному инструктору пришлось уже под началом нового первого* («Замыслил я побег»); **необходимость**: *Дома снесли, а людей расселили по всей Москве, но, несмотря на это, Коля и Каля не потерялись, а поженились сразу после школы, даже разрешение в райисполкоме пришлось получить* («Замыслил я побег»).

6. Глагол *следует* составляет 25 % от общего числа всех средств выражения модального значения необходимости, актуализирует значение собственно необходимости, указывает на наличие целевых норм, может выражать отношение, не определяющееся правилами, нормами, обязанностями, а вызванное внутренними потребностями субъекта: *Во-вторых, слет нужно провести по*

⁸ Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. В. И. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – С. 147.

большому счету! И уж нашу просьбу как следует выполнить! («ЧП районного масштаба»).

7. Семантический оттенок глагола *стоит*, осложняющий значение необходимости, в словарях определен как «иметь смысл», «требовать», «составлять труд», «быть выгодным»⁹, в прозе Ю. Полякова данный глагол употребляется в процентном отношении – 27 % от общего числа глаголов, реализующих значение необходимости: *Что ж, за это Надино «спасибо» и за эти слезы благодарности стоит заплатить своей дурацкой судьбой, разбить ее об пол, точно свинью-копилку* («Апофегей»).

8. Глагол *хотеть* (*хочется*) в текстах Ю. Полякова выражает значение желательности (24 %), а также эксплицирует различные частные значения желательности: «желать, волить, иметь охоту, стремиться, побуждаться к чему, намереваться, собираться», «иметь намерение», «пытаться выполнить действие»: *А ты-то сам доволен, как у тебя инфак работает? – В общем не очень. А что? – Ничего. Я с ним хочу в общем поговорить* («ЧП районного масштаба»).

9. Глагол *решишь* выражает семантику желательности, актуализирует в сочетании с инфинитивом значение окончательно сформулированного намерения (59 %): *Со словами: «Носи, сынок!» – он нахлобучил молодому свою замурзанную ушанку, выбежал на волю, отмахал метров триста и под первым же фонарем решил полюбоваться приобретением* («Сто дней до приказа»). Вслед за Е. В. Алтабаевой (2004), которая одним из параметров в концептуальной иерархии «желания» выделяет параметр адресованности, мы полагаем, что осознанное и осмысленное желание обычно либо сообщается адресату, либо фиксируется в памяти субъекта, либо выражается вербально: *Поднимаюсь в свой номер, после мучительных колебаний я решил поскрестись в дверь Аллы* («Парижская любовь Кости Гуманкова»).

Широкий спектр общих и частных значений модальности представляют в прозе Ю. Полякова слова категории состояния.

1. Доминантное положение среди экспликаторов модального значения возможности в произведениях Ю. Полякова занимает предикатив *можно*, стилистически нейтральный (69 %). Модальность возможности связана с выражением объективного значения «(не) иметь право для выполнения действия», обусловлена служебными, юридическими, социально-нравственными нормами общества¹⁰, а также способен выражать значение субъективной возможности «быть в состоянии»: *– А в Америке как? – Негров много. Редкие твари! Но говорить об этом можно только здесь. Там нельзя: политкорректность долбаная!* («Грибной царь»).

2. Объективированный, «обезличенный» характер невозможности передается модальными наречиями *невозможно, нельзя* (12 % употреблений в текстах Ю. Полякова) – в реализации значения объективной возможности «не

⁹ Частотный словарь [Текст] / Под ред. Л. Н. Засорина. – М.: Русский язык, 1977. – С. 453.

¹⁰ Теория функциональной грамматики [Текст] / Под ред. А. В. Бондарко. – JL: Наука, 1990. – С. 127.

иметь возможности, условий для выполнения действия»¹¹, характеризуется отстраненностью действия, независимостью процесса, состояния от активного деятеля: *Но сам-то Чистяков из всей этой истории сделал для себя важный вывод: главное – избежать конфликтных ситуаций, потому что разрешить их по-божески в конкретных общественно-исторических условиях чаще всего невозможно* («Апофегей»).

3. Безлично-предикативное слово *нельзя* встречается в конструкциях с модальным значением возможности немногим чаще (14 %), чем *невозможно*. Экспликатор отличается более емкой модальной семантикой: «нет возможности, невозможно», «не разрешается, не дозволено», «нет возможности», «не иметь права, оснований совершить действие»¹²: *Валера покорно кивал и понимал, что отказаться нельзя – просто не поймут, согласишься – весь оставшийся год, когда «старичку» надо бы отдохнуть и со вкусом подготовиться к «дембелю», пробегаешь, как последний салабон, оправдывая высокое доверие* («Апофегей»). В текстах Ю. Полякова нередки конструкции с семантикой возможности, функционирующие в составе системы «бинарной оппозиции», автор использует конструкции, содержащие противопоставление: – *Это самолет – тут нельзя драться... – возразил я. – А кто тебе сказал, что мы будем драться? Я просто откручу тебе голову! Очень тихо. – Все равно нельзя: можно нарушить балансировку центрирующей оси крылоподъемной конструкции! – выпалил я первую пришедшую в голову чепуховину* («Козленок в молоке»). Частотное использование предикативов *можно – нельзя* в рамках одного высказывания, характеризующегося яркой экспрессивностью, оценочностью, можно отметить как черту идиостиля Ю. Полякова.

4. К ядру микрополя необходимости относится группа высокочастотных слов категории состояния: *надо, нужно, необходимо*. Наиболее частотный в текстах Ю. Полякова модификатор *надо* (около 61 %), выступающий обычно в значении «необходимо, требуется», «обязанность» и «вынужденность» и выражающий необходимость более категорично: – *Надо срочно найти Акашина!* («Сто дней до приказа»). В прозе Ю. Полякова большим числом реализаций представлены экспрессивные варианты предложений с предикатом *надо* + инфинитив, в которых на первое место выносятся инфинитив, а зависящая от него словоформа остается на последнем месте, это «предложения с рамочной акцентной структурой»¹³. Данное несоответствие языковых явлений стандарту, лежащее в основе экспрессивности, нетипичность и поэтому необычность, выразительность речи, присущи стилю Ю. Полякова: *За стукачество наказывать надо! – сокрушенно покачал головой Шариков* («Сто дней до приказа»).

5. К центральным средствам выражения модального значения необходимости относится предикатив *нужно* (35 %). *Нужно* чаще реализует модальное

¹¹ Словарь русского языка в 4-х т. [Текст] / Под ред. А. П. Евгеньевой. (МАС). – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – С. 243.

¹² Словарь русского языка в 4-х т. [Текст] / Под ред. А. П. Евгеньевой. (МАС). – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – С. 266.

¹³ Русская грамматика. [Текст] / Под общ. ред. Н. Д. Арутюновой, Н. Ю. Шведовой и др. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 325

две основные семантические грани: объективное, строго регламентированное долженствование и долженствование как морально-этическая норма: *По инструкции он обязан был сделать это последним, убедившись, что у остальных все в порядке* (должен был сделать, так как это предписывается правилами, регламентом) («Небо падших»).

Таким образом, можно констатировать, что модальная семантика в произведениях Ю. Полякова репрезентирована ядерными и периферийными глагольными средствами *мочь, уметь, суметь, удаваться, успевать, приходится, следует, стоит, хотеть, решить*, предикативными прилагательными и краткими причастиями *должен, готов, способен, вынужден* и *обязан* в сочетании с инфинитивом, словами категории состояния *можно, нельзя, невозможно, необходимо, пора*. В условиях контекста эти слова являются средствами реализации экспрессивности, яркой индивидуализации характеров, формируют текстовое пространство, удерживая внимание читателей в определенной художественно-смысловой зоне.

В третьей главе «Способы реализации субъективно-модальных значений в произведениях Ю. Полякова» в рамках функционально-семантического и коммуникативно-прагматического подходов проанализированы способы реализации субъективной модальности на синтаксическом уровне.

В первом параграфе рассматривается *категориальная императивность* (99 % примеров из числа всех случаев императивности), доминирующей формой которой являются:

1. Формы глаголов 2-го лица единственного и множественного числа, это «центральные», «парадигмообразующие», «эталонные» формы²⁰. В императивных конструкциях присутствует обязательная обращенность к собеседнику, оказывание давления на его волю, предложения часто отличаются эмоциональной маркированностью: – *Проснись и послушай!* – *Мушкетер толкнул Чистякова в бок. Валерий Павлович очнулся и напряг слух* («Апофегей»). Эта ядерная форма способна выражать различные семантические интерпретации императивных конструкций: **вежливое, мягкое побуждение**: – *Проходите, господа, – прощепетала секретарша, – Аркадий Ильич ждет вас!* («Замыслил я побег»); **просьбу**: – Ну хорошо, сейчас объясню. *Только ты не сердись!* («Замыслил я побег»); **совет**: – *Даш, а ты возьми с собой Костю!* – *посоветовал Башмаков* («Замыслил я побег»); **предложение**: *И тогда Анатолич предложил: – А иди ты к нам!* («Замыслил я побег»); **увещевание**: – *Последний раз!* – *взмолился он. – Поймите меня правильно!* («Парижская любовь Кости Гуманкова»); **мольбу**: *Вот тут-то терпение Валеры лопнуло, потому что ваятели покуривали травку, и Лялька возвращалась домой с дурацкой ухмылкой и стеклянными глазами, а поутру лежала трупом и стонала: «Воин-освободитель, спаси!»* («Апофегей»); **предупреждение**: – *Подумайте о последствиях, Гуманков! – пригрозил замрукспецтургруппы* («Парижская любовь Кости Гуманкова»).

²⁰ Храковский, В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность [Текст] / В. С. Храковский. – Л.: Наука, 1990. – С. 190.

2. Форма 1-го лица множественного числа выражает побуждение к совместному действию, что может рассматриваться как попытка коммуникативного взаимодействия: – *Всё! Пошли к Верстаковичу!* – постановил Каракозин («Замыслил я побег»). В предложениях с формами «совместного действия» ед. ч. и мн. ч. классификаторами категории модальности выступает глагол-частица *давай (давайте)*: – *А носитель опыта – человек, конкретный человек! Вот да-вайте людей и послушаем* («Апофегей»).

3. Императив 3-го лица служит для побуждения к действию того, кто не участвует прямым образом в разговоре, а возможно, даже не присутствует при нем, горячий имеет в виду, что его собеседник передаст третьему лицу, чтобы тот совершил действие. Побуждение выражается сочетанием частицы *пусть* с формой 3-го лица индикатива: – *Э-э... это с работы. Пусть Труд Валентинович перевозит в производственный отдел* («Замыслил я побег»).

4. На периферии поля повелительности находятся инфинитивные предложения. В прозе Ю. Полякова повелительные предложения с инфинитивом в роли сказуемого представлены небольшим числом реализаций, но они отмечены особой экспрессивной семантикой, яркостью и выразительностью. Грамматическим значением инфинитива можно считать приказ, поскольку инфинитивные предложения предполагают фактитивную интерпретацию, не допуская пермиссивной интерпретации, для них характерна семантика запрета: – *Отставить!* – приказал Иван Григорьевич («Замыслил я побег»). Использование инфинитивного побудительного предложения является маркером достаточно безапелляционного и часто не совсем уважительного отношения к собеседнику: *На глазах у онемевшей от ужаса секретарши и Кати, как раз принимавшей телефонограмму из города, он с мясом вырвал из стены телефонную розетку и рывком: – Сидеть!* («Замыслил я побег»).

5. Околядерным средством выражения субъективной модальности в текстах Ю. Полякова является использование безглагольных конструкций в императивных предложениях (10 % от числа глагольных коррелятов выражения категории императивности). Писатель Ю. Поляков часто акцентирует свое внимание на антропоцентрической парадигме художественного произведения, стремится к созданию смыслового и экспрессивного пространства художественного текста, поэтому его проза отличается эмотивностью интенций, стилистическими доминантами которых являются безглагольные предложения. Безглагольные побудительные предложения служат категорической формой выражения побуждения: *Повезли портрет Буденному, показали, а он как заревет: «Так-вас-распротак! Меня, Буденного, на Климкиной кобыле нарисовать! Вон отсюда!..»* («Апофегей»); традиционно используются в приказах, отдаваемых лицами, старшими по званию лицам младшим по званию в армии и на флоте: – *На здоровье, – ответил Анатолич ласково, а потом вдруг рывком грозно: – Смир-рна! Нале-е-во! В расположение части строевым шагом марш!* («Замыслил я побег»); в распоряжениях, при выполнении профессиональных обязанностей, требующих быстрых, решительных действий: – *Стоп!* – приказала редакторша. – *Нам не нужна история вашего почтенного семейства!* («Гипсовый трубач»).

Вслед за К. Мустайкисом (1999) и другими исследователями (К. С. Неустроев) мы считаем возможным выделить группы безглагольных побудительных предложений, структурную основу которых составляют: конструкции с существительными; конструкции с местоимениями; высказывания наречного типа; конструкции с побудительными междометиями.

1) Конструкции с существительными

Побудительные предложения с конструктивной основой, выраженной формой винительного или родительного падежа **существительного**, обозначают требуемый предмет или необходимое действие, команду: *Борис Исаакович схватился за грудь, захрипел и стал заваливаться. Каракозин и Гречко еле успели его подхватить. – Врача! – закричал Дожедай («Замыслил я побег»)*. Прежде всего к этой группе относятся стандартные воинские команды: *– Разговоры в строю! – прикрикивает старшина Высовень («Сто дней до приказа»)*. Императивная интонация может напоминать просьбу или призыв, выраженные в некатегоричной, доброжелательной форме: *– К столу, к столу! – призвала Катя. Выпили за встречу. Потом за дружбу. Потом за детей. Потом за родителей («Замыслил я побег»)*.

2) Побудительные конструкции с местоимениями

Побуждение к названному, но явно подразумеваемому действию выражается **личным местоимением** с предлогами *ко* и *за*. Слушающий, выполняя приказ говорящего, должен направляться к последнему, предлог *ко* употребляется здесь для обозначении лица, к которому направлено движение: *Они бросились к ограде, но Анатолич выскочил из дежурки, скатился по металлической лестнице и громовым командным голосом рявкнул: – Отставить! Ко мне! Бегом! («Замыслил я побег»)*. При сочетании местоимения с предлогом *за* говорящим указывается направленность движения агенса: *– Есть! За-а мной! – козырнул прапорщик и, отстранив плечом остолбеневшую и не сопротивляющуюся уже Катю, зашел в квартиру («Замыслил я побег»)*.

3) Волеизъявление, выражаемое высказываниями наречного типа

Предложения, структурная основа которых выражена формой существительного в косвенном падеже с предлогом или наречием, обозначают побуждение к движению или к конкретному действию по команде: *– Направо! Шагом марш! – продолжил свою воспитательную работу старший лейтенант («Сто дней до приказа»)*.

Функцию волеизъявления могут выполнять слова **категории состояния** и **наречия**, которые восходят к именам существительным, или существительные, выступающие в роли наречий (адвербиализованные конструкции): *– Аркадий, пора бы уж! Прибыль составила 485 процентов! Хватит! («Гипсовый трубач»)*.

Чаще других в функции волеизъявления употребляются наречия *тихо, тише, громче; живо, живее, быстро, быстрее, скорее; вперед, сюда; бегом, шагом* и некоторые другие. К большинству из них можно подставить глагол со значением движения, перемещения в форме императива: *Красный пролетарий, шире шаг! Красный пролетарий, выше стяз! («Замыслил я побег»)*.

4) Конструкции с побудительными междометиями

Призыв к действию, команда и другие виды волеизъявления могут быть выражены **междометиями**. Некоторыми междометиями выражается побуждение к прекращению действий: – *Стоп-стоп-стоп!* – *замахала руками редакторша.* – *Ян Казимирович, мы же договорились: очень коротко и по существу! Вы поняли?* («Гипсовый трубоч»). Некоторые исследователи определяют эти предложения как «скрытые побудительные перформативные высказывания с побудительными междометиями», полагая, что *тсс, цыц* и др. можно трактовать как *я прошу, требую тишины / я прошу, требую уважения* и т. д.²¹

Особое место в системе безглагольных предложений занимают высказывания, в которых неназванное действие обозначает частица *давай(те)*. Частица *давай(те)* берет на себя функцию глагола, побуждая слушающего к выполнению действий, движений или перемещений в пространстве: – *Давай через дверь. Я веревки для гороха натянул, неудобно перелезть* («Замыслил я побег»).

На пересечении микрополей императивности и желательности находятся особые безглагольные предложения, в которых частица *бы* присоединяется к существительному, прилагательному или местоимению. Такие высказывания могут быть использованы для экспликации побуждений, не маркированных как авторитарные²², они чаще выражают смягченное побуждение – просьбу, совет, предложение: – *Вам кого?* – *спросил он, не прерывая раздумий и даже не удивляясь позднему звонку.* – *Мне бы Рому!* – *вдруг ответил Башмаков.* – *Рома в армии* («Замыслил я побег»).

Таким образом, можно констатировать, что выражение семантики волеизъявления не является прерогативой только глагольных словоформ.

Второй тип императивности – *некатегориальная императивность* – представлен в прозе Ю. Полякова незначительным числом реализаций (0,8 %).

1. Некатегориальная императивность, выступающая как смысл, может передаваться через *оптативность*. Говорящий желает показать свое отрицательное отношение к наблюдаемому в действительности и предложить программу перестройки какого-либо действия: *В последний момент, боюсь, привет «Центрнаучфильм». Ты бы позвонил, может, недублированный дадут? Актис побалуем* («ЧП районного масштаба»).

2. Одним из типов некатегориальной императивности являются *индикативные формы* глаголов настоящего и будущего времени совершенного и не совершенного вида, которые могут употребляться в повелительных предложениях. Индикативом говорящий декларирует реальность действия, следовательно, презентно-футуральная индикативность – это реальность, протянувшаяся в будущее: – *Пропылесосишь большую комнату и вытрешь пыль!* («Замыслил я побег»).

²¹ Изотов, А. И. Об иллокутивно специализированном побуждении в современных чешском и русском языках [Текст] / А. И. Изотов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М: МАКС Пресс, 2000. – Вып. 15. – С. 124.

²² Изотов, А. И. Об иллокутивно специализированном побуждении в современных чешском и русском языках [Текст] / А. И. Изотов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М: МАКС Пресс, 2000. – Вып. 15. – С. 78-81.

Во *втором параграфе* рассматривается место модальных слов в функционально-семантическом поле субъективной модальности прозы Ю. Полякова.

Сегодня в лингвистике традиционно выделяются пять лексико-грамматических разрядов модальных слов с учетом их семантики и функционирования:

1) Показатели персуазивности, или достоверности/недостоверности общающего: *несомненно, конечно, безусловно, разумеется, видимо, кажется, может быть, возможно, по всей видимости, судя по всему, должно быть* и др. Семантика модальных слов с этим значением отражает градуальность признака (18 % среди лексико-грамматических разрядов модальных слов прозы Ю. Полякова): *Собрание мы, разумеется, провели, а в «Отваге» о нем поместили заметочку под названием «Мужской разговор» («Сто дней до приказа»)*. Высказывания описывают ситуацию чувственного восприятия: включают указание на видимый факт, слуховое впечатление, вкусовое опущение, ситуацию «зрительной» достоверности: *В проходе, между столами, виднелась ее наполненная хозяйственная сумка, и женщина явно нервничала, так как инструктивное собрание все никак не начиналось, а ей, очевидно, нужно было постеть в детский сад и забрать ребенка еще до того, как молоденькие воспитательницы, торопящиеся домой или на свидание, начнут с ненавистью поглядывать на единственного оставшегося в группе подкидыша («Парижская любовь Кости Гуманкова»)*.

2) Показатели авторизации, связывающие достоверность информации с ее источником: *по-моему, по слухам, говорят* и др. В. В. Виноградов относит к этой группе модальные слова, обозначающие чужой стиль выражения, субъективную передачу чужой речи, мысли, а также её оценку со стороны говорящего (21 %): *Прощаясь, Валера пристально посмотрел на свою бывшую невесту, давая понять, мол, если так уж замуж невтерпех, могла бы найти преемника и получше, чем этот засушенный богомол! («Апофегей»)*. Необходимо отметить высокую частотность модальных слов этой группы в прозе Ю. Полякова. Они представляют как бы инструкцию по авторскому пониманию для читателя, составляют у Ю.Полякова особую разновидность «авторского узора» или «рисунка».

3) Показатели эмоциональной оценки содержания передаваемой информации *к счастью, к сожалению* и др. Сюда относятся те модальные слова и идиомы, в которых заключается эмоциональное освещение самой изображаемой действительности (11 %). *К сожалению* является актуализатором плана негативной оценки: *Он сообщил, что, к сожалению, когда случилось это безобразии, находился в Австралии на конференции «Детство в ядерный век», а то, разумеется, прочитав одну только строчку, сразу бы снял рассказ... («Апофегей»)*. Преобладание в художественных текстах той или иной группы модальных слов – негативно или позитивно заряженной оценки – характеризует индивидуальные личностные черты отправителя речевых сигналов, автора. Следует отметить, что в текстах Ю. Полякова нет такого преобладания, поскольку субъективно-оценочный фон автора строится на частом использовании

иронического подтекста, на употреблении слов в переносном значении, на изменении коннотации высказывания, что формирует индивидуальную ощущаемость текстов писателя.

4) Метатекстовые модальные слова как показатели порядка изложения мыслей в тексте: *кроме того, наконец, во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых* и др.; средства обобщения, уточнения или дополнения информации *итак, словом, в частности, иначе говоря* и др. (14 %): *Итак, молодежь драгла казарму, дневальный безмолвствовал, и я, воспользовавшись самым приятным, на мой взгляд, «стариковским» правом, лежал в теплой постели и сквозь полудрему следил за жизнью проснувшейся казармы («Сто дней до приказа»).*

5) Фатические модальные слова, служащие для установления оптимального речевого контакта говорящего со слушающим: *понимаешь, слышите, представьте, видите ли, знаете ли* и др.). Это слова, заключающие в себе призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь, подчеркнуть перед ним что-нибудь, какой-нибудь факт или вызвать в нем то или иное отношение к сообщению (15 %): – *Только, знаешь, Коля, – подозрительно ласково заговорила она, переворачиваясь на стину и глядя в потолок, – отстань ты от моей жизни!* («ЧП районного масштаба»). В текстах Ю. Полякова эти модальные слова выражают личность говорящего, его настроения, отношение говорящего к той картине мира, которую он, как предполагается, разделяет со слушающим, а также дополнительно характеризуют участников ситуации.

Таким образом, преобладание модальных слов в прозе данного автора обусловлено семантико-прагматическим аспектом их функционирования, что позволяет выявить специфические черты личности, которые находят отражение в мировидении и в образе мыслей Ю. Полякова: стремление к максимально правдивому изображению действительности, в которой «максимально присутствует сам автор».

В *третьем параграфе* дается характеристика инфинитивных предложений как средства выражения субъективно-модальных значений в прозе Ю. Полякова.

1. В системе инфинитивных предложений важное место занимают предложения со значением **объективной предопределенности**, в которых выявляется семантика неизбежности, долженствования, предстояния, вынужденности, возможности или невозможности, ненужности, отсутствия необходимости, недопустимости: – *Может быть, таким образом она дает вам понять, что неплохо бы поскорее оформить ваши отношения?* («Замыслил я побег»).

2. Значительное место в прозе Ю. Полякова занимают предложения со значением **субъективной предопределенности**, выражающие воленарправленность – побуждение, желание, субъективно осознаваемую целесообразность или своевременность: а) отсутствующий субъект может легко определяться обстановкой речи и контекстом в конкретной личной форме: *Она, конечно, знала о существовании в жизни дочери Башмакова, даже один раз встретила их, шляющихся в переулках возле дома и не знающих, куда пристроить свое выравшееся на волю возжелание* («Замыслил я побег»); б) субъект может являться в известной степени устранным и определяться контекстом или обста-

новкой речи в неопределенной или обобщенно-личной форме: *Но денег больше ни у кого не было, если не считать горстки сантимов, оставшихся у товарища Бурова в общественно-представительской кассе* («Парижская любовь Кости Гуманкова»); в) субъектный детерминант чаще всего присутствует даже при инфинитивном эллипсисе: – *Мне бы опять что-нибудь про любовь! – заискивающе пробормотал он. – А вам про какую: про счастливую или несчастную? – уточнила Таня* («Сто дней до приказа»); г) субъектный детерминант может отсутствовать: *В этой связи планы у Нади такие: выдать мамульку замуж за образовавшегося поклонника, а уж потом и самой заарканить какого-нибудь потомственного доцента, вроде Желябьева, и обеспечить себе человеческую жизнь в этом идиотском обществе, которое рождено, чтоб Кафку сделать бьялью; подарить мужу наследника, а затем уже заняться настоящей личной жизнью – изменять с каждым стройным, загорелым мужиком, катающимся на горных лыжах или, на худой конец, играющим в большой теннис* («Апофегей»).

Среди инфинитивных предложений выделяются вопросительные предложения, позицию облигаторного члена в которых занимают дейктические слова, десемантизированные местоименные компоненты (*кто, что, к чему, зачем, где* и т. д.), участвующие в выражении эмоционального отрицания невозможности. Структурной особенностью их является несовпадение плана выражения (вопросительная структура) с планом содержания (отрицательное сообщение): *А вечером, натолкав в сумку учебники и конспекты, я побегу на Ходынку – сторожить авиационный музей под открытым небом. «А что там сторожить?» – спросите вы* («Небо падших»).

Вслед за учеными (П. А. Лекант, Е. В. Шутун) мы считаем необходимым также выделить в отдельный разряд инфинитивных предложений безлично-инфинитивные. Наличие местоимений/наречий с префиксом *не-* позволяет отнести данный тип предложений к собственно отрицательным.

Семантика отрицательного местоименного компонента позволяет выделить несколько модально-семантических типов безлично-инфинитивных предложений в произведениях Ю. Полякова:

1) Предложения, выражающие невозможность совершения действия из-за отсутствия места, куда оно направлено или где оно происходит: *Они просидели с Борисом Исааковичем до самой ночи, а когда за полчаса до закрытия метро Башмаков засобиравлся домой, Дждедай сказал, что ему торопиться некуда, никто его не ждет и он, пожалуй, переночует у Бориса Исааковича* («Замыслил я побег»).

2) Предложения, выражающие невозможность осуществления действия из-за отсутствия времени: *Валере было некогда заниматься на водительских курсах, права получила Лялька* («Апофегей»).

3) Предложения, выражающие невозможность осуществления действия из-за отсутствия причины и цели: *Нечего из-за них напрягаться* («Грибной царь»).

4) Предложения, обозначающие невозможность совершения действия из-за отсутствия объекта, на который оно направлено: *Свирельникову показалось*

тогда забавным, что вся эта ураганная суeta происходит для того, чтобы завтра утром он получил газету, в которой и читать-то, по совести, нечего («Грибной царь»).

5) Предложения, обозначающие невозможность совершения действия из-за отсутствия субъекта: *Заступить было некому: ни профкома, ни тем более парткома в «Альдебаране» давно уже не было* («Замыслил я побег»).

Этот тип предложений, по мнению Е. В. Шутун, способствует созданию атмосферы безысходности. Ю. Поляков – мастер социального гротеска, жёсткий сатирик, блестящий наблюдатель жизни. Поляков действительно даёт социальный срез общества, используя конструкции с отрицанием возможности, таким образом автор языковыми средствами выражает свой протест против нынешнего неустроенного разлагающегося общества, он одновременно смеется над героями, любит их и в конце концов указывает им путь к свету – выходу.

В **Заключении** диссертационного исследования обобщаются результаты проведенной работы.

Так называемая «партитура модальности» поляковского текста насыщена самыми разнообразными средствами и способами ее реализации, что позволяет представить Ю. Полякова как автора, язык которого образно можно назвать «пульсирующим нервом»; его тексты характеризуются открытой включенностью самого прозаика: они активны, смело оценивают, призывают, заставляют, осуждают. На морфологическом уровне средствами выражения собственно модальных и субъективно-модальных значений в микрополях возможности, необходимости, желательности являются ядерные и периферийные глагольные средства, слова категории состояния, прилагательные, специализированные экспликативы. На синтаксическом уровне категория модальности в текстах Ю. Полякова реализуется посредством повелительных предложений, модальных (вводных) слов и инфинитивных предложений.

В ходе исследования категории модальности была выявлена специфика идиостиля Ю. Полякова, выражающаяся в динамическом, векторном характере прозы, отличающейся особой экспрессией, эмоциональным накалом, фрагментарностью и резкой «событийностью» стиля писателя.

Включение в орбиту исследований нового материала по изучению категории модальности художественного творческого пространства одного из ярких российских писателей Ю. Полякова представляется, на наш взгляд, концептуально важным, поскольку эта категория создает авторскую модель мира, участвует в формировании замысла художника и формирует адекватную картину русской лингвокультуры XX – XXI веков.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК РФ:

1. Глухова, О. П. Инфинитивные конструкции как средство выражения субъективной модальности в текстовом поле Ю. Полякова [Текст] / О. П. Глухова // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 178–186 (0, 56 п. л.).

2. Глухова, О. П. Семантика императивных высказываний в прозе Ю. Полякова [Текст] / О. П. Глухова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 1. – С. 44–47 (0,25 п. л.).

Публикации в прочих изданиях:

3. Глухова, О. П. Изучение сложных фразеологизированных конструкций с модальным компонентом на занятиях по современному русскому языку со студентами педвузов [Текст] / О. П. Глухова // Самосовершенствование, самореализация личности: психолого-педагогические аспекты: Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Набережные Челны: Изд-во ГОУ ВПО НГПИ, 2007. – С. 262–266 (0,37 п. л.).
4. Глухова, О. П. Сложные фразеологизированные конструкции с модальным компонентом в языке прозы А. П. Чехова [Текст] / О. П. Глухова // В. А. Богородицкий и современные проблемы исследования и преподавания языков: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию В. А. Богородицкого. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – С. 99–102 (0,25 п. л.).
5. Глухова, О. П. Семантика долженствования и способы ее выражения в прозе А. П. Чехова [Текст] / О. П. Глухова // Язык и общество: коммуникация и интеграция: Материалы Международной научно-практической конференции. – Подольск, 2008. – С. 112–117 (0,4 п. л.).
6. Глухова, О. П. Эмотивная лексика как средство выражения субъективной модальности в прозе Ю. Полякова [Текст] / Ю. М. Подыниглазова, О. П. Глухова // Вызовы XXI века: достижения науки – в образовательную практику: Материалы II межвузовской студенческой научно-практической конференции (22 апреля 2009 г.). – Набережные Челны: Изд-во ГОУ ВПО НГПИ, 2009. – С. 199–202 (0,25 п. л.).
7. Глухова, О. П. Эллиптические побудительные предложения в современной прозе (на примере произведений Ю. Полякова) [Текст] / О. П. Глухова // Материалы Международной научной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации» (10–11 декабря 2009). – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. – С. 80–83 (0,18 п. л.).
8. Глухова, О. П. Семантика средств выражения модальности в современной прозе (на примере произведений Ю. Полякова) [Текст] / О. П. Глухова // Материалы Республиканской научно-практической конференции с международным участием «Наука, технологии и коммуникация в современном обществе» Набережночелнинского филиала КГУ. – Набережные Челны: Филиал КГУ в г. Набережные Челны. – 2010. – С. 30–32 (0,18 п. л.).

